

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко

**Социальная стратификация:
теоретические и методические основания
исследования на региональном уровне**

Abstract

In the paper, the substantive methodological statements regarding multidimensional social space and their applications towards the analysis of Ukrainian society are generalized in the stratification model resting on such criteria, as a profit, education, position in a power structure, self-appraisal of financial position, self-identification, i.e. combination of objective and subjective criteria. There are also analysed the results of quantitative and qualitative research of stratification at a regional level.

Социальное неравенство и социальную иерархию в социологии изучают и описывают на основе разных моделей стратификации. Социологи выделяют различные срезы соотношения социального положения групп и индивидов. Однако в любом случае социальную стратификацию увязывают с взаимодействием социальной дифференциации с социальными оценками. Люди (и группы) при этом ранжируются в соответствии с социальной значимостью, скажем, выполняемой ими деятельности.

Современные трансформационные процессы в украинском обществе сопровождаются социально-структурными преобразованиями, формированием новых слоев и групп, а также изменением позиции в стратификационной системе существующих, что обуславливает формирование новых статусно-ролевых отношений индивидов и изменение социальной самоидентификации [1, с. 44].

В западных обществах довольно четко проявляется прямая зависимость материального достатка и социального статуса от уровня и качества полученного образования, то есть консистентность вознаграждений (доход, власть, уважение) с инвестициями (образование, профессиональное мас-

терство и т.п.). Вознаграждение за труд позволяет определенной социальной страте поддерживать соответствующий уровень, образ и качество жизни. Поскольку в трансформационном обществе экономические и социальные условия характеризуются нестабильностью, неопределенностью, для того чтобы занять свою позицию в социальной структуре и на рынке труда, необходимо постоянно подтверждать свой профессионализм, компетентность, конкурентоспособность и т.д. Социальной структуре современного украинского общества свойственна крайняя социальная неуравновешенность — как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне самосознания личности, осознания ею своего места в системе социальной иерархии. Происходит активный процесс “размывания” традиционных групп населения; становления новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры, социальной самоидентификации и т.п.

Методологические подходы к изучению многомерного стратификационного пространства неравенства

Многие модели стратификации раскрывают отношения групп людей по поводу распределения власти, собственности, знаний в сфере трудовой деятельности. Данную сферу проявления неравенства можно признать доминирующей в индустриальных и постиндустриальных обществах. Однако определенная часть членов общества не может быть отнесена к социальным группам по признаку занятости (пенсионеры, учащиеся, неработающие женщины и многие другие категории). Проблема определения их социальной принадлежности — одна из сложных задач стратификационной теории.

В некоторых моделях стратификации используют другие основополагающие критерии ранжирования социальных позиций. Во-первых, в современном мире до сих пор ощущается присутствие нескольких основных типов стратификации, существующих много веков и строящихся на различиях в культурах и экономических укладах: кастовая, сословная, классовая. Причем во многих современных обществах эти стратификационные системы сосуществуют и взаимодействуют. Во-вторых, в моделях отражаются разные подходы к выбору признаков социальной дифференциации, выявляющих деление общества на группы по потребностям, интересам, престижу, образу жизни, ментальности и т.п. То есть модели могут соответствовать разным аспектам иерархических социальных позиций в обществе как целостности либо касаться специфических структур в подсистемах одного конкретного общества. Для позднеиндустриальных и информационных обществ самостоятельное значение приобретает культурно-статусная стратификация. Если властной и основанной на собственности стратификациям, связанным со стремлением властных групп к безраздельному обладанию властью и престижем, соответствует вертикальное строение социальных позиций, то культурно-статусному порядку, смысл которого заключается в сохранении статусными группами своих разнородных ценностных представлений, соответствует неиерархическая модель [2, с. 37].

По нашему мнению, в рамках социологического анализа очерченной проблемы следует четко размежевать понятия “классы”, “слои” и “страты”. В современной социологической литературе сосуществуют все эти катего-

рии (для многих авторов даже как синонимы). Весьма распространенным является представление, согласно которому общество состоит из групп или множества индивидов, имеющих определенные характеристики. Эти характеристики берут в качестве критерия классификации, который может быть одномерным или, чаще, многомерным. Соответственно, процедура классификации позволяет выделять определенное количество социальных слоев. Некоторые ученые пытались не игнорировать ни идеи приверженцев классовых теорий, ни идеи их оппонентов. Так, немецкий социолог Р.Дарендорф подчеркивал, что страты образуют иерархическую систему (иерархический континуум), отличаясь друг от друга постепенными различиями, тогда как «класс — это всегда категория, предназначенная для анализа динамики социального конфликта и его структурных корней, поэтому его можно четко отличить от страты как категорию, описывающую иерархические системы в данный момент времени» [3, с.76].

Размежевание теорий стратификации и классовой структуры интересно интерпретируется И.Краусом. «Стратификация и классовое деление — разные структуры отношений. Стратификация — понятие описательное, предполагающее некую упорядоченность членов общества на основе какого-либо соответствующего критерия — дохода, образования, образа жизни, этнического происхождения... Классы... являются конфликтными группами, которые, объединяясь, оспаривают существующие разделение власти, преимущества и другие возможности... Классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как схожие с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц...» [4, с. 12].

В книге Э.Гидденса «Социология» соответствующий раздел называется «Стратификация и классовая структура». Родовым понятием выступает «стратификация», а «классы» — видовым понятием, означающим одну из четырех систем стратификации. Рассматривая проблемы стратификации и неравенства в современных западных обществах, Гидденс называет основные социальные группы классами, однако описывает их не во взаимном противостоянии, а как ранжированные сообщества («высший класс», «средний класс», «низший класс») [5, с. 290–299].

Таким образом, на наш взгляд, обобщающим понятием для научного изучения пространства неравенства и понимания отношений между людьми по поводу распределения власти, собственности, престижа, присвоения всех видов ресурсов является социальная стратификация, которую, согласно дефиниции Гидденса, «можно определить как структурированные неравенства между разными группировками людей» [5, с. 290].

Современные сторонники стратификационных и классовых теорий, базирующихся на множественных критериях, опираются преимущественно на традицию, берущую начало со времен М.Вебера. Однако стимулом для распространения многокритериальной стратификации послужили работы П.Сорокина. Согласно его идеям, существует то, что можно обозначить термином «социальное пространство». Определить социальное положение человека означает выявить совокупность его связей со всеми группами населения и внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; эти связи и совокупность позиций внутри каждой группы и образуют ту систему координат для определения социального положения любого индивида. Следовательно

но, люди, принадлежащие к аналогичным социальным группам и выполняющие идентичные функции в рамках каждой из них, занимают одинаковое социальное положение. И наоборот, чем существеннее различия между людьми, тем большей оказывается социальная дистанция между ними. Кроме того, поскольку внутри одной группы существуют разные позиции, необходимо определить также положение человека в пределах этих групп. Поэтому в отличие от трехмерного геометрического пространства социальное пространство является многомерным, что обусловлено множественностью группировок людей по социальным признакам.

Отсюда вытекает и подход П.Сорокина к определению стратификации. Социальная стратификация — это дифференциация данной совокупности людей (населения) на классы согласно иерархическим рангам, что находит воплощение в существовании высших и низших слоев. Основа и суть стратификации заключаются в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, в наличии либо отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Известно немало конкретных форм стратификации, однако все многообразие их можно свести к трем основным — экономической, политической и профессиональной. Как правило, все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшей страте по одному из параметров, обычно относятся к высшим стратам и по другим характеристикам [18, с. 297–373]. Теория стратификации, предложенная Сорокиным, оказала влияние на все дальнейшие разработки, связанные с этой проблематикой.

Американский социолог М.Гордон, будучи также приверженцем множественности критериев стратификации, писал, что термин “социальные классы” применим к делению ведущих статусов, стратифицирующих сообщество. Три переменные, связанные с понятием класса, — экономическая власть, социальный статус, политическая власть, соответствуют веберовским классу, статусу, партии. Гордон отмечал, что в динамичном взаимодействии всех стратификационных различий экономические факторы играют важнейшую роль, и добавлял при этом, что другие факторы также существенным образом проявляются в классификации населения. В качестве вывода он утверждает, что социальный статус, экономическую силу и структуру общественно-политической силы следует рассматривать концептуально как некую суть, динамичное и структуральное взаимодействие которой надлежит изучать эмпирически [19].

Однако современное развитие научной мысли и социальная практика указывают на то, что только синтезирование разных классических и современных концепций сделает возможным более объективное и содержательное исследование такой сложной социальной системы, как общество. В сфере исследований социальной структуры едва ли не первым такую попытку осуществил Э.Гидденс, сформулировав теорию структуриации, которая акцентирует “дуальность” социальной структуры [20]. Автор фокусирует внимание на принципах, по которым происходит внутренняя дифференциация и артикуляция пространственно-временных образований. При формулировании принципов он отталкивается от феноменов, проявляющихся в общественной жизни, и вводит концепт “социальные практики” как единицу анализа, что позволяет отразить дуальность структуры/действия и рефлексивный характер последнего. Социальные практики как постоянный поток

производства социального действия сами продуцируют структуры, правила и ресурсы и одновременно продуцируются/воссоздаются социальными акторами в их действиях.

Широкие дискуссии относительно гносеологических перспектив такого типа социологической стратегии нашли отражение в рефлексивной социологической концепции французского социолога П.Бурдьё, описывающего логику социальных практик через их феномены. По мнению отечественного социолога О.Куценко, именно эта концепция сегодня является наиболее строго “феноменологическим” и, в этом смысле, наиболее целостным, альтернативным позитивизму социологическим подходом к пониманию социального мира и процессов социальных разделений [21, с. 259].

Социальный мир, согласно теории П.Бурдьё, — это сложная многомерная структура, в которой объективное и субъективное взаимопроникают и взаимодополняют друг друга. Объясняя содержание и механизмы социального взаимодействия, он использует понятия социального пространства, габитуса и капитала.

Человек, утверждает социолог, как биологическое существо существует в определенном физическом пространстве, а как существо социальное — в пространстве социальном (или в “социальном поле”). В социальном пространстве, как и в физическом, люди занимают определенные места, позиции. Эти позиции можно описывать через отношения “выше–ниже”, “ближе–дальше”, “между” и т.п. В свое время Э.Дюркгейм доказывал, что представления людей о времени и пространстве имеют социальную природу, определенным образом отражая их социальные связи. Развивая эту мысль, Бурдьё утверждает, что социальное пространство постоянно “стремится преобразоваться более или менее точно в пространство физическое”. Это означает, что пространственные характеристики того физического мира, в котором пребывает человек, со временем приобретают все более четкое социальное содержание. Об этом свидетельствует, в частности, характер расселения людей на определенных территориях, пространственная структура поселений, транспортные связи, типы жилья и общественных зданий. Еще больше структуры социального пространства проецируются вглубь человеческого тела, что проявляется в поведении людей, их манерах, осанке и т.п. Ведь и тип жилья, и способы перемещения в пространстве, и манеры представителей высших общественных слоев и “низов” общества существенно отличаются друг от друга. Таким образом, делает вывод Бурдьё, “социальные структуры постоянно конвертируются в структуры пространства” [22, с. 46].

В результате овеществления социального пространства и соответственно социальной иерархии в структурах физического пространства люди получают неодинаковые шансы на господство в пределах данного пространства. Ведь способы перемещения, типы транспорта, размер жилья в городе или земельных участков в сельской местности в подавляющем большинстве случаев соответствуют позиции индивидов в социальной иерархии. Наконец, резюмирует П.Бурдьё, “способность господствовать в присвоенном пространстве, прежде всего за счет присвоения (материальным или символическим путем) тех дефицитных благ, которые распределяются в нем, зависит от имеющегося капитала” [22, с. 43].

Понятие капитала в социологической концепции П.Бурдьё занимает довольно весомое место. Капитал в экономическом его понимании является

всего лишь одной из разновидностей капитала как такового, поскольку существуют еще и социальный капитал, и капитал культурный. Капитал как экономическая категория означает прежде всего факт овеществления человеческих производственных отношений в форме стоимостей, материальных благ и ценностей. Тогда как капитал социальный и культурный обладают свойством “инкорпорироваться” в форме человеческого поведения. И в первом, и во втором случае это дает шансы на получение власти и влияния в пределах конкретного социального поля, однако источники такой власти и влияния различны.

Субъекты социального взаимодействия (“агенты” и “группы агентов”, по терминологии французского социолога) определяются в соответствии с их относительными позициями в социальном пространстве. Эти позиции, в свою очередь, определяются позициями индивида в разных полях, иначе говоря, распределением власти, “активированной” в каждом из этих полей. Такой властью фактически является “экономический капитал в его разных формах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, который обычно называют престижем, репутацией, именем и т.п. Именно в такой форме все иные разновидности капиталов воспринимаются и признаются легитимными” [22, с. 47]. Таким образом, позиции “агентов” в социальном пространстве определяются не только общим объемом, но и взаимосочетанием и относительным весом их капиталов в общем балансе. Из этого следует, что капитал инкорпорированный, то есть превращенный в систему личностных качеств, представляет собой такой же фактор взаимодействия, как и капитал “материализованный”.

С понятием инкорпорированного капитала тесно связано содержание такого важного понятия социологии П.Бурдьё, как *габитус*, *который* происходит от латинского слова *habere* — иметь, обладать. В биологии им обозначают определенную совокупность видовых признаков, присущих конкретному живому существу. Поиски П.Бурдьё в этом направлении отмечены стремлением отыскать определенную промежуточную позицию между структуралистским социологическим реализмом, сводящим социальное действие к структурным основам, и социологическим номинализмом Веберовского типа, при котором на первый план выходит субъективный смысл действия, направленного на достижение сознательной цели. Бурдьё замечает, что понятие “габитус” введено для лучшего понимания того парадоксального факта, что человеческое поведение может быть объективно ориентировано на достижение определенной цели, не будучи вместе с тем сознательно направленным именно на нее. Речь идет о поведении, не являющемся четко осознанным (рациональным, в понимании М. Вебера), но не детерминированным механически. То есть габитус — это определенная система личностных диспозиций, полученных в опыте и способных меняться в зависимости от обстоятельств места и времени. Это некое “чутье игры”, свойственное людям того или иного типа и позволяющее им адекватно ориентироваться в море конкретных жизненных ситуаций, где далеко не все предусмотрено правилами, которые, к тому же, иногда создаются в самом процессе игры [22, с. 46]. Понятие габитуса имеет определенное смысловое соответствие с понятием “стиль жизни”, как его понимал М.Вебер, употребляя для определения различий между общественными сословиями и слоями.

Особое значение при этом приобретают возможности и способы пользования определенными материальными и культурными благами.

Важнейшим достижением подхода П.Бурдьё можно считать то, что он позволяет охватить все видимое поле социального пространства, совместив оси экономических, властных, социальных и культурных измерений и сфокусировав внимание на культурных ресурсах, габитусах и социальных практиках как факторах социального структурирования. Таким образом можно увидеть не только отдельные срезы пространства, но и сам процесс его созидания и воспроизводства, дифференциации и структурирования [21, с. 271].

В мировой социологии выработано множество стратификационных концепций и классовых схем, эффективно применяемых для эмпирических исследований. Попытки применения подобных схем как основы социально-классового анализа украинского общества оказались весьма удачными, хотя из-за разной степени согласованности социально-статусных характеристик одних и тех же позиций занятости возникает немало несоответствий. Тем не менее можно говорить о наличии определенных общих тенденций, что и подтверждают результаты применения адаптированных схем социально-классовой структуры Дж.Голдторпа и Э.Райта для идентификации места в социальной структуре взрослых граждан Украины [1, с. 44]. Как Райт, так и Голдторп сначала выделяют факторы, которые участвуют в образовании классов, а затем ищут их связь с установками и другими структурами сознания. Однако если эти авторы размещают классы в пределах относительно конкретной профессиональной структуры, то Бурдьё делает акцент на разнофакторной и социально конструируемой природе классов. Он не использует категории профессии и занятости для идентификации классов, хотя отмечает, что профессия служит “эффективным показателем” позиции в социальном пространстве и дает информацию о природе и содержании работы, ее культурной и организационной специфике. Однако, по его мнению, классы, построенные на основании профессий, не будут представлять собой объективно существующие группы [21, с. 264]. Предложенный Бурдьё теоретический подход позволяет преодолеть ограничения рассмотренных ранее классовых схем, сконструированных в рамках отношений занятости, и охватить все многомерное пространство социального неравенства.

Благодаря работам П.Бурдьё углубляется исследовательский интерес к изучению разных форм капитала и обусловленных ими габитусов и социальных практик. Исследователи реализуют методологическую установку изучения разных форм капитала как важных факторов конструирования социальных неравенств наряду с экономическим капиталом как аккумулярованным человеческим трудом. Особый интерес исследователи проявляют к изучению аспектов социального и культурного капиталов [21, с. 265].

Применительно к трансформирующимся обществам теряют свое всеобъемлющее значение традиционные критерии социальной стратификации, и должны использоваться разнообразные стратификационные шкалы или их комбинации в зависимости от целей исследования. Кроме того, следует учитывать, что существуют разнообразные системы координат нового социального пространства, которые “конструируют” для себя индивиды и социальные группы для целей жизнеобеспечения и деятельности. Традиционные объективные критерии вроде дохода и уровня образования не всегда дают объективную картину стратификации в переходном обществе, по-

сколькx представления о реальных процессах, особенно связанных с получением доходов, сознательно искажаются, наблюдается массовое уклонение от уплаты налогов, сокрытие доходов, занижение оплаты труда на наиболее престижных государственных должностях, что существенно усложняет изучение действительной статусной иерархии. Учитывая это, в качестве дополняющих критериев используют самооценку социального и материального положения, социального самочувствия индивидов, так как субъективное восприятие индивидом и группой своего места в общественной иерархии также важны [7, с. 82]. Все это побуждало к поиску адекватных теоретико-методологических подходов к фиксации социальных слоев и страт в социальной иерархии украинского общества.

Отечественные исследователи применяют два подхода — субъективный и объективный. Субъективный базируется на принципе самоидентификации, то есть исходит из представлений самих членов общества об их принадлежности к тем или иным социальным слоям или классам. Исследования, проводившиеся в Украине такими учеными, как С.Макеев, Е.Головаха, С.Оксамитная, С.Бродский, Е.Симончук, преимущественно были направлены на определение классовых идентичностей и стратификационных процессов на субъективном уровне [1; 9; 10; 11]. Объективный подход базируется на показателях, не зависящих от мнения индивида; зачастую это характер труда и уровень доходов. Если говорить об объективных методиках изучения социальной структуры, то здесь доминируют одномерные определения стратификационных групп, в основном по экономическому критерию; в этом направлении можно выделить работы украинских ученых В.Паниотто, В.Хмелько, И.Чапской, Н.Марченко [12; 13; 14]. Поскольку применение объективного подхода имеет существенные ограничения, большинство исследователей используют его в сочетании с субъективным [15; 16; 17].

В нашем исследовании социальной структуры предпринята попытка применения стратификационной модели на основе многомерного иерархического подхода с использованием таких критериев, как доход, образование, позиция во властной структуре, самооценка материального положения, социальный статус и самоидентификация и др. То есть речь идет о комбинации объективных и субъективных (социально-психологических) критериев. Количественное и качественное измерение объективных и субъективных показателей является очень важным, поскольку каждый из этих “одномерных” срезов имеет большое значение при изучении конкретных процессов дифференциации; все они в совокупности позволяют говорить о многомерном стратификационном пространстве неравенства.

Социологический анализ стратификационных слоев в структуре населения г. Львова

Одной из главных задач в рамках анализа многомерного пространства неравенства было выделение основных стратификационных групп населения города в современных условиях. С этой целью мы предполагаем, что социальную стратификацию можно рассматривать как неравномерное размещение индивидов в *n*-мерном “пространстве неравенства”, каждая ось которого отражает определенный вид существующего в обществе неравенства.

Близость размещения индивидов в таком пространстве означает принадлежность их к одной стратификационной группе.

По результатам исследований, проведенных социологической лабораторией кафедры социологии ЛНУ им. Ивана Франко в 2002 и 2003 годах, в стратификационной структуре населения Львова было выделено восемь устойчивых слоев при помощи количественных методов¹. Эта попытка осуществлялась на базе многомерной теории стратификации П.Бурдые с применением иерархического кластерного анализа. Респонденты позиционировались в трехмерном пространстве неравенства вдоль осей: “образование” — “уровень властных полномочий” — “доход” (см. табл.).

Таблица

Стратификационные слои населения г. Львова

Стратификационные слои	Властный индекс	Образовательный индекс	Доходный индекс	Общий стратификационный индекс	Доля слоя в структуре населения г. Львова, %
2002 год					
1 “Высший и средний классический слой”	4,4	3,9	4,4	4,2	6,5
2 “Специалисты”	4,1	4,0	2,4	3,5	24,0
3 “Мелкие предприниматели и руководители”	5,0	2,8	2,4	3,4	1,9
4 “Богатые квалифицированные рабочие”	1,7	3,1	5,0	3,3	1,2
5 “Украинский средний слой”	3,3	2,9	3,0	3,1	4,9
6 “Неадаптированные специалисты”	1,7	3,6	2,7	2,7	11,2
7 “Базовый слой”	1,9	2,4	2,4	2,3	24,5
8 “Низший слой”	1,0	2,8	1,2	1,7	25,8
2003 год					
1 “Высший и средний классический слой”	4,4	4,0	4,2	4,2	9,1
2 “Специалисты”	4,2	4,0	2,5	3,6	23,4
3 “Богатые квалифицированные рабочие”	1,6	2,8	4,4	2,9	2,4
4 “Базовый слой”	2,5	3,0	2,3	2,6	21,0
5 “Неадаптированные специалисты”	1,1	4,0	1,4	2,2	17,8
6 “Низший слой”	1,0	2,3	1,3	1,5	26,4

Таким образом, мы оперировали трехмерным пространством неравенства, осями которого были такие объективные критерии, как личный среднемесячный доход, властный статус и уровень образования. Респонденты

¹ Исследование проводилось методом анкетирования. Объем выборочной совокупности составлял 600 человек трудоспособного возраста. Выборка вероятностная с многоступенчатым отбором респондентов. Погрешность репрезентативности $\pm 3\%$. Информация обработана при помощи ППП ОСА. SPSS 11.0 и MS Excel.

определяли свое место на каждой оси данного пространства на основе предложенной 5-ступенчатой шкалы¹.

Основные стратификационные группы по результатам опроса выделялись при помощи кластерного анализа, состоящего в том, что в качестве предварительно заданных переменных формируются группы случаев. Под случаями понимаются отдельные индивиды (респонденты) или любые другие объекты. Члены одной группы (одного кластера) должны отличаться аналогичными проявлениями переменных, а члены разных групп — различными. С использованием кластерного анализа осуществляется группирование случаев по близости размещения в n -мерном пространстве (где каждая ось задает определенную переменную). Для определения расстояния между двумя точками x и y в любом n -мерном пространстве используется формула Евклида:

$$\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - y_i)^2} \quad [23, \text{с. 385}].$$

В результате анализа было выделено в 2002 году восемь основных кластеров (стратификационных групп). Для каждого кластера по каждой переменной пространства неравенства был определен средний показатель (индекс); путем вычисления их среднего арифметического для каждого кластера был получен интегрированный стратификационный индекс, по которому выделенные стратификационные группы выстраиваются в иерархию (см. рис.).

Можно констатировать, что иерархическая стратификационная структура г. Львова переживает стадию становления, поскольку такие выделенные нами в 2002 году слои, как “мелкие предприниматели и руководители” и “украинский средний слой”, оказались статистически незначимыми по результатам исследования в 2003 году. Можно условно построить определенную социальную иерархию на основе интегральных стратификационных показателей, хотя, на наш взгляд, названия выделенных стратификационных слоев дискуссионны.

Двухфакторный анализ позволил обосновать социальный портрет каждого из выделенных слоев в 2003 году на региональном уровне. При этом учитывались следующие субъективные критерии: самоидентификация индивидов на социальной лестнице в 2003 году; субъективная оценка материального и имущественного положения; самооценка престижности своего рода деятельности; социальное самочувствие каждого из выделенных социальных слоев. Кроме того, проанализирован возраст и гендерные различия каждой выделенной страты.

Охарактеризуем социальный портрет одного из наиболее многочисленных в регионе стратификационных слоев (24% — 2002; 23,4% — 2003), на-

¹ **Властный индекс (административная власть):** 1) экономически незанятое население (пенсионеры, безработные, студенты, учащиеся, нетрудоспособные и др.); 2) квалифицированные и неквалифицированные (подчиненные); 3) вспомогательный и обслуживающий персонал (помощники, секретари, технологи и т.п.); 4) высококвалифицированные специалисты с высшим образованием; 5) руководитель (предприятия, учреждения, организации или их подразделений), предприниматель в сфере производства, торговли и т.п.

Образование: 1) неполное среднее; 2) общее среднее; 3) профессионально-техническое, среднее специальное; 4) неполное высшее, высшее; 5) ученая степень.

Личный среднемесячный доход: 1) менее 150 грн; 2) 151–350; 3) 351–600; 4) 601–999; 5) 1000 грн и больше.

званного нами “специалисты”, поскольку в него вошли, по результатам кластерного анализа, преимущественно специалисты технического и гуманитарного профиля.

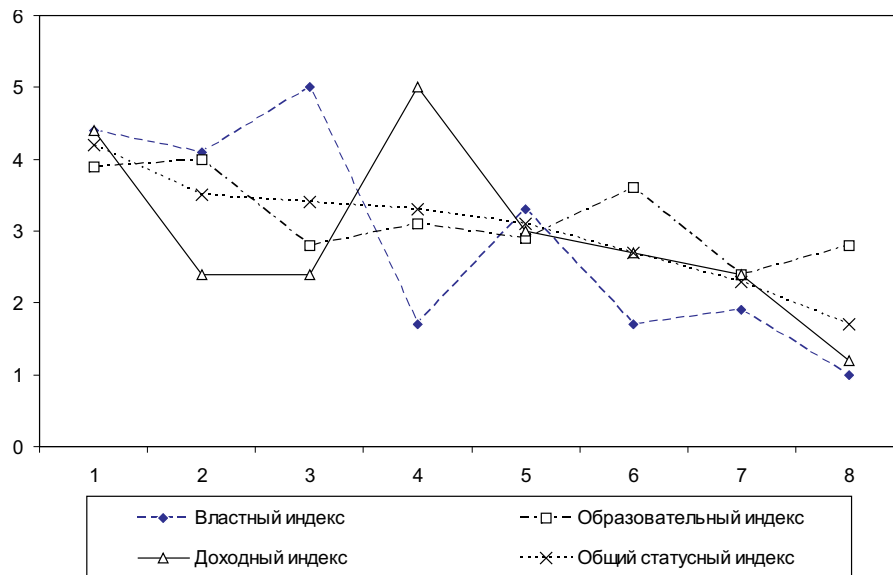

Рис. Статусные профили слоев

Костяк стратификационной группы “специалисты” составляют индивиды, которые в сфере распределения власти идентифицировали себя как высококвалифицированные специалисты (82,3%). По типу деятельности это весьма разнородная группа: 32,6% — специалисты технического профиля; 24,1% — специалисты гуманитарного профиля; 14,9% — руководители подразделений объектов хозяйствования; 5,7% — служащие госаппарата, политики; 3,5% — руководители предприятий, организаций; 4,2% — предприниматели и т.п. Подавляющее большинство представителей слоя имеют высшее образование (90,8%); 5% — ученую степень; 4,3% — среднее специальное образование. Личный доход колеблется в пределах от 150–350 грн (51,1%) до 351–600 грн (44,0%) в месяц. Почти все имеют постоянную работу и только 2,1% — официальную временную работу, а 1,4% — случайные разовые заработки. Данная группа характеризуется самой большой по сравнению с другими группами долей людей, указавших, что основным источником их дохода является заработная плата на основном месте работы (95,0%), хотя для них характерно сочетание различных источников доходов.

Оценивая субъективно свое материальное положение, “специалисты” относят себя преимущественно (64,3%) к людям со средним достатком, а 35,0% — к малообеспеченным. Семейный доход этих работников в основном обеспечивает только первичные, витальные потребности, хотя и приближается к среднему в современных условиях. К объектам собственности данной страты относятся квартира — 70,9%, земля (дачный участок) — 44,0%, автомобиль — 29,8%, дом — 27,0%.

В этом слое сосредоточена самая большая доля людей, идентифицирующих себя с интеллигенцией (83,0%), тогда как в “высшем и классическом

среднем” слое таковые составляют 76,3%. Социальное самочувствие последней группы, как и предыдущей, также оказалось неопределенным и неоднозначным. Среди них царят разные настроения: оптимизма — 41,8%; обеспокоенности и тревоги — 40,4%; гнева и негодования — 32,6%. Что касается самоидентификации в социальной иерархии, то большинство размещает себя в центре или ближе к нему. Престиж своего рода деятельности в современных условиях люди, принадлежащие к этой страте, оценивают относительно высоко: на 5 баллов — 16,9%; на 4 — 25,4%; на 3 — 33,1% (по пятибалльной шкале, где 5 — самый высокий уровень престижа, а 1 — самый низкий).

Возрастной состав представителей этого слоя довольно широк: 25,5% — в возрасте 18–29 лет; 25,5% — 30–39 лет; 36,2% — 40–49 лет; 10,6% — 50–59 лет; 2,1% — старше 60 лет. Гендерное распределение: 44,0% — мужчины; 56,0% — женщины.

Количественные методы позволили выяснить, что основой этого слоя являются индивиды, которые в сфере распределения власти идентифицировали себя как высококвалифицированных специалистов (82,3% — 2002; 79,8% — 2003). Почти 90% имеют высшее образование, а их личный среднемесячный доход колеблется в пределах от 150–350 грн (51,1% — 2002; 34,9% — 2003) до 351–600 грн (44% — 2002; 57,4% — 2003). Использование качественных методов дало возможность дополнить социальный портрет стратификационного слоя “специалисты” следующими социальными характеристиками:

По социально-профессиональному составу этот слой составляют специалисты государственных структур (государственные служащие, врачи, учителя, научные сотрудники, офицеры армии, руководители среднего звена, высококвалифицированные рабочие), а также работники частной сферы обслуживания.

В плане социальной самоидентификации: согласно самооценке социального статуса “специалисты” занимают 6–7 ступени (по 10-балльной шкале, где 1 — самое низкое, а 10 — самое высокое социальное положение на социальной “лестнице”). Оценивая материальное положение, они относят свою семью к “средним” (с 4 по 6 ступень). При этом они более или менее удовлетворены своим материальным положением, поскольку по сравнению с большинством окружающих людей имеют более стабильную работу и заработную плату. Для этого слоя характерно статусное несоответствие: социальный статус оценивается выше (благодаря уровню образования и престижу профессии), чем материальный. Наши респонденты считают, что оплата их труда несправедливо низкая, что приводит к негативному социальному самочувствию, неудовлетворенности своей жизнью, неуверенности в себе и в завтрашнем дне. Для этой страты характерно отсутствие четкой социально-групповой идентификации, хотя “специалисты” себя относят к средним слоям общества в социальном и материальном плане, но еще не могут и не имеют, по их мнению, оснований идентифицировать себя со “средним классом” общества.

Что касается *дохода и материального положения*, то ежемесячный средний для этой страты доход семьи составляет 750–1000 грн. Семейный бюджет состоит также из дополнительных поступлений из разнообразных источников: это либо несколько официальных мест работы, одно из которых по совместительству; либо неофициальная занятость по специальности (репетиторство, частная практика врача и т.п.) или не по специальности (оказание услуг, квартирные ремонты, дистрибьюторство и т.п.). Достаточный для

семьи ежемесячный доход на одного человека, по мнению респондентов, должен составлять 300–500 долларов. Важным элементом материального благополучия является наличие 2–3-комнатной квартиры, как правило, в спальном районе; нередко они имеют автомобиль отечественного производства или старую иномарку, причем на содержание машины расходуют ощутимую часть семейного бюджета. Существенным вкладом в семейный бюджет является выращивание овощей и фруктов на дачном участке или на огороде.

Среди *способов рекреации* самыми распространенными и доступными формами досуга для этого слоя являются поездки на дачу, походы в гости к родственникам, чтение книг, газет, просмотр телепередач. Значительную часть свободного времени отнимает дополнительная работа. Очень редко можно посещать театры, концерты из-за отсутствия времени и денег. Дети посещают в основном государственные дошкольные учреждения и школы. Существенными затратами для семейного бюджета оказываются оплата обучения детей в спортивных секциях, музыкальных и художественных школах. Большинство представителей этого слоя проводят свой отпуск на даче, у родственников или вынуждены в это время дополнительно работать. Дети отдыхают в летних лагерях только в случае предоставления льготных путевок. Если есть возможность поехать на море, то это преимущественно отдых в недорогих ведомственных санаториях или в частном секторе, чаще всего в Одесской, Николаевской и Херсонской областях. Отдых в Крыму или за границей уже считается слишком дорогим. Распространены среди них недорогие виды отдыха: велосипедный, лыжный туризм в Карпатах, походы на байдарках по Днестру, рыбалка и т.п.

И наконец обратимся к *ценностям и ценностным* ориентациям. Анализируя трудовые стратегии, образ жизни и настроения представителей этого слоя, можно сделать вывод, что несмотря на декларирование таких ценностных ориентаций, как профессионализм, образованность, интеллигентность, возможность самореализации, самой актуальной ценностью для них на сегодня является достижение материального успеха, что позволит обеспечить надлежащий образ жизни семьи, удержаться на данной социальной позиции и дать образование своим детям.

Очертим направление дальнейших научных поисков по применению предложенной методики и устранению некоторых ее недостатков. Имея своей целью отслеживание социальной динамики стратификационных изменений в регионе, мы намереваемся в 2006 году посредством количественных методов с использованием кластерного анализа определить позицию индивидов (агентов, по Бурдьё) в каждом из полей капиталов, то есть их позицию во властном, экономическом, социальном, культурном и символическом полях социального пространства. Чтобы компенсировать субъективное влияние исследователя при выборе критериев неравенства в каждом поле, мы предполагаем провести экспертный опрос относительно того, какие критерии стратификации и соответствующие шкалы следует считать основными на данном этапе развития социума. Таким образом, применив кластерный анализ, мы сможем выделить статистически значимые страты, слои. Чтобы методология, построенная на теории “двойственности структуры”, имела законченный вид, нужно исследовать еще и деятельностный аспект. То есть выяснить, как агенты, занимающие определенные объективные социальные позиции, конструируют восприятие социального мира и в соответствии с этим строят свои социальные практики и оценивают практи-

ки других акторов. Одним словом, нужно проанализировать уровень габитуализации агентов, которые будут образовывать выделенные объективные слои общества. А это стало возможным благодаря применению качественных методов исследования, что позволило глубже проанализировать стилизованные практики агентов каждой выделенной страты.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует о возможности сочетания в отдельно взятом исследовании количественного и качественного подхода (работы В.Семеновой [25], С.Белановского [26], А.Готлиб [27], Л.Скоковой [28], Е.Симончук [8] и др.). На основе одних только качественных методов невозможно изучать макросоциальные явления и процессы. В случаях, когда необходимо изучить взаимодействие социальных классов, страт, социальных слоев, этносов, регионов, социальных институтов и других макросоциальных образований, без количественных методов не обойтись. Качественные методы здесь тоже приемлемы, но не в качестве основных, а как вспомогательные. И наоборот, соотношение между этими методами меняется, если предполагается исследование микросоциальных явлений и процессов [24, с. 205].

В рамках нашего социологического исследования¹ были использованы качественные методы анализа социально-стратификационных образований: методы глубинного интервью и фокус-групп. Выборка для глубинного интервью формировалась с учетом социально-демографических характеристик групп и таких объективных показателей, как профессиональный статус, уровень образования, доход и материальное положение, по которым респондентов можно отнести к разным стратификационным образованиям. На основе специально разработанной анкеты было отобрано по три представителя в выделенных выше слоях (см. табл.). Всего методом глубинного интервью было опрошено 20 человек (11 мужчин и 9 женщин в возрасте от 29 до 50 лет). В рамках этого исследовательского проекта было также проведено три фокус-группы; в одной приняли участие 10 представителей стратификационного слоя “специалисты”, а в двух остальных были представлены по 2 респондента из каждого выделенного слоя. Были опрошены представители разных профессиональных групп: предприниматели, учителя, ученые, инженеры, государственные служащие, рабочие высокой квалификации и др. Наемные работники были заняты как в частном, так и в государственном секторе экономики.

Основная часть исследования методами глубинного интервью и фокус-групп была посвящена социальной самоидентификации и самооценке социального положения респондентов на воображаемой 10-ступенчатой социальной “лестнице”, что стимулировало их самоопределение в социальной иерархии. Респондент самостоятельно определял свой социальный статус на момент интервью, оценивал уровень удовлетворенности своим социальным положением, приводил критерии, по которым он определил свой статус. Далее оценивалось материальное положение семьи и уровень удовлетворенности им, основные и дополнительные источники доходов, формы досуга и проведения отпуска. Была также собрана информация об уровне и качестве материального благосостояния, позволившая отнести семьи респондентов к категориям “нищяя”, “бедная”, “средняя”, “зажиточная” и “богатая”

¹ Исследование проведено в марте–апреле 2005 года социологической лабораторией кафедры социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко.

по уровню ежемесячного дохода, особенностям образа жизни, формам досуга и проведения отпуска. Обсуждались факторы, способствующие достижению жизненного успеха, то, как в целом складывается жизнь респондента, а также анализировались основные ценности и ценностные ориентации. Таким образом, применяя качественные методы социологического исследования, мы с помощью перечисленных выше субъективных критериев можем проанализировать габитусы, или стилизованные практики, согласно П.Бурдье, каждой выделенной страты на региональном уровне.

Социологический анализ выделенных слоев в стратификационной структуре региона свидетельствует о том, что наряду с экономическими критериями (достатком, доходом, материальным положением и т.п.) важны и другие критерии стратификации (способы потребления, стиль жизни, культурные ориентации группы, особенности ценностных систем). Реализуя методологическую установку П.Бурдье относительно важности разных форм капитала в конструировании социальных неравенств в Украине, можно утверждать, что роль экономического капитала как определяющего в отдельных исследованиях социальной стратификации постепенно снижается, а приоритетность изучения социального, культурного и символического капиталов возрастает.

Резюмируя, можно констатировать, что на современном этапе развития социологии следует говорить о возможностях сочетания качественных и количественных подходов в одном исследовании. Наша позиция заключается в том, что в социологическом анализе социально-стратификационных слоев такое сочетание возможно применительно к целям и задачам нашего исследовательского проекта. Социологическая практика доказывает возможность как минимум двух способов сочетания качественного и количественного подходов: параллельного и последовательного, то есть на различных этапах исследования [27, с. 357]. В дальнейших исследованиях планируется последовательное использование количественных и качественных методов изучения социального объекта в динамике и отслеживание социальных процессов, происходящих в социальной структуре региона.

* * *

Методологические и эмпирические поиски, по нашему мнению, необходимо сосредоточить на дальнейшей апробации предложенной многомерной методики изучения стратификационной структуры общества и возможных способах ее совершенствования. Ведь выделение объективных слоев (при помощи количественных методов) в современном украинском социуме и их глубинное исследование (с применением качественных методов) — чрезвычайно важная задача для социологов. Это позволит проанализировать те социальные трансформационные процессы, которые, в свою очередь, влияют на изменения в социальной структуре украинского общества. Актуальным остается изучение перспектив формирования среднего класса в Украине. Анализ стилизованных практик тех или иных объективно выделенных страт необходим для определения потенциальных возможностей формирования среднего класса. Разносторонняя информация о социальной структуре общества в целом и региона в частности может послужить основой для внедрения и реализации разнообразных направлений социальной политики на государственном и региональном уровнях.

Литература

1. Бродська С.С., Оксамитна С.М. Класова самоідентифікація населення України // Наукові записки НаУКМА. Серія: Соціологічні науки. — 2001. — Т. 19. — С. 44–50.
2. Радаев В., Шкартан О. Социальная стратификация : Учебное пособие. — М., 1996.
3. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. — L., 1959. — P. 76.
4. Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. — N.Y., 1976. — P. 12.
5. Гіденс Е. Соціологія. — К., 1999.
6. Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. — 1995. — № 6. — С. 14–24.
7. Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. — 1998. — № 10. — С. 77–84.
8. Симончук Е.В. Средний класс: люди и статусы. — К., 2003. — С. 37.
9. Макеев С.О. Процеси соціальної структуризації в сучасній Україні // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. — К., 1999. — С. 214–231.
10. Головаха Е.И. Изменение социальной структуры и формирование среднего класса в Украине // Социологический журнал. — 1997. — № 4. — С. 37–42.
11. Макеев С.О., Оксамитна С.М. Тенденції становлення середнього класу // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців) / За ред. В.М.Ворони, М.О.Шульги. — К., 2001. — С. 286–297.
12. Доходи та витрати домогосподарств України у 1996 році / За ред. В.І.Паніотто, О.В.Попової, В.Є.Хмелька. — К., 1997.
13. Харченко Н. Сравнение методологических подходов к измерению бедности // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 86–99.
14. Чапская И. Имущественное положение граждан в трансформирующемся обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 10. — С. 63–75.
15. Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 2(40). — С. 24–33.
16. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 3–11.
17. Горшков М.И. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социологические исследования. — 2000. — № 3. — С. 4–13.
18. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
19. Gordon M.M. Social Class in American Sociology. — N.Y., 1963. — P. 248–256.
20. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. — Berkeley; Los Angeles, 1984. — P. 281–354.
21. Куценко О.Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе. — Харьков, 2000.
22. Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
23. Goldthorpe J., Hore K. The Social Grading of Occupations. — Oxford, 1974.
24. Григорьев С.И., Растов Ю.Е. Начала современной социологии. — М., 1999.
25. Семенова В.В. Качественные методы в социологии // Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М., 1998.
26. Белановский С.А. Глубокое интервью : Учебное пособие. — М., 2001.
27. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. — М., 2005.
28. Скокова Л. Біографічні дослідження в соціології: традиція і сучасний досвід. — К., 2004.